

венно, что эта общая и единая схема и исторически, и чисто формально может быть развернута во все множество конкретных образов, мифов, идей. И у О. М. Фрейденберг эти точки разворота, по которым можно «пройти» из глубины веков и обратно, обычно не только отмечены, но и подчеркнуты.

В дневнике 1928 г. О. М. Фрейденберг говорит об этом: «Я хотела поставить во главу угла мысль о различиях, которые оказываются тождеством. В Прокриде я впервые давала полную систему античных семантик. Я брала образы в их многообразии и показывала их единство. Мне хотелось установить закон формообразования и многообразия»².

Речь идет не о реконструкции в узком смысле — тогда сведение всего сюжетного репертуара к одному было бы действительно глубоко неверным, — а снова об установлении классификационной схемы, той же точки отсчета, но основанной на другом принципе. В конце концов, это следующий этап проникновения в структуру модели мира: после того, как в нее включены абсолютно все объекты и явления мира, устанавливается их исконная связность, единство мира, перекрывающее выступающую на поверхность разность и разрозненность. Отождествления, конкретные анализы основаны у О. М. Фрейденберг на общей установке и логических операциях и в гораздо большей степени относятся к абстрактной характеристике модели мира, чем к поискам реальных соответствий (что, разумеется, никак не обесценивает и эту сторону анализа). Этот подход О. М. Фрейденберг весьма существен не только в связи с проблемой семантического инварианта, но и в кругу современных поисков основного мифа³, к которому в концептуальном плане может быть сведено многообразие сюжетов и мотивов и на основе которого может быть восстановлена архетипическая модель мира (ср. «миф о вечном возвращении» у М. Элиаде; модель мира для определенной традиции, восстанавливаемая Леви-Строссом по одному мифу; у нас — многочисленные работы Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова).

Сквозной идеей, проходящей через собранные в книге работы, является двой-

ничество/двоичность. Бинарный принцип служит для О. М. Фрейденберг операционным способом классификации, применяемым ею универсально. Первичный уровень — уровень семиотических оппозиций; высший уровень — двоичность в структуре понятия: «мифологическое восприятие явлений в виде двух тождественных противоположностей (здесь существенно осознаваемая О. М. Фрейденберг непривативность оппозиций. — Т. Ц.) сохраняется в понятии только структурной стороной своей семантики... Понятие разбивает эти два тождества, оставляя за ними одну внешнюю общность, но вводит качественную оппозицию подлинного и кажущегося» (с. 184). Или: «Двучленность метафоры, идущей от двух смыслов к единству иносказания, не является для античного поэтического мышления каким-то исключением. Напротив, природа метафоры служит принципиальным образцом всего античного искусства, в том числе и литературы...» (с. 207). Этот переход от низшего абстрактного уровня к высшему (в соответствии с темой — от образа к понятию) в свою очередь осуществляется с помощью операций, связанных с двоичностью, с отношениями между субъектом и объектом, на разных стадиях проявляющимися по-разному.

Не менее существенна семантическая трактовка оппозиций в их проекции на конкретные сюжеты, мотивы, персонажи, наконец, вообще на основной принцип античного искусства. И здесь особенно интересно проследить, каким образом анализ сугубо формальных построений приводит к выявлению глубинных смыслов, меняющих непосредственно воспринимаемую картину мира. Античное искусство, по мысли О. М. Фрейденберг, строится прежде всего на оппозиции *видимый/невидимый* (мимезис), существенной не только для зрителя, но и для сюжета (фигура очевидца). В пространственном плане те же функции выполняет оппозиция *открытый/закрытый* (отсюда — существенность и отмеченность входа, двери, крышки; использование ящиков, фигурок-шкафчиков и т. п.) [см. 10]. Далее эти оппозиции наполняются понятийным содержанием. Поскольку они построены на контрасте, постольку должны контрастировать и связанные с ними объекты и явления: невидимое опровергает видимое, за закрытыми дверями, внутри замкнутого пространства скрывается нечто неожиданное и т. п. Это в свою очередь создает возможность для дальнейших, более сложных построений и комбинаций смыслов (самое известное — ситуация Эдипа, где видит, т. е. обладает истинным знанием, слепой Тиресий, а зрячий Эдип получает знание — прозрение, лишь ослепив себя). Так вводится оценочная оппозиция *прекрасный/безобразный*, получающая философское истолкование «как бы двойного бытия» («нельзя забывать, что вся основная тема „Пира“

² Мысль О. М. Фрейденберг, что «единство проявляется только в отличиях» (в работе «Три сюжета или семантика одного»), была специально отмечена Б. Л. Пастернаком (письмо к О. М. Фрейденберг от 21.10.1933 г.). Материалы дневника О. М. Фрейденберг и ее переписки с Б. Л. Пастернаком любезно предоставлены в наше распоряжение Е. Б. Пастернаком.

³ Впрочем, не только современных: Малларме в письме к Верлену высказал мысль, что в мире существует только один миф, лежащий в основе и письменной и устной традиции, и этот миф — ответ на вопрос «почему человек должен умереть?».